

показуется при приступахъ, замѣняющихъ припадокъ. При затяжныхъ формахъ постельный режимъ долженъ примѣняться въ умѣренныхъ дозахъ. 12) При неврастеніи постельное содержаніе также примѣняется часто, однако нужно помнить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ больше пользы приносить гимнастика, водолеченіе, прогулки на воздухъ и проч. При неврастеническихъ психозахъ въ основу леченія кладется правильно дозированное постельное содержаніе. 13) При остромъ бредѣ алкоголиковъ постельное содержаніе имѣетъ очень большое приложеніе. 14) При леченіи морфинизма, кокаинизма и пр. постельное содержаніе необходимо въ виду слабости больныхъ, но продолжается не болѣе двухъ недѣль. 15) При прогрессивномъ параличѣ постельное содержаніе можетъ способствовать ослабленію возбужденія. Въ послѣднемъ періодѣ постельный режимъ можетъ способствовать появленію различныхъ неприятныхъ осложненій, особенно пролежней, а потому долженъ примѣняться только тогда, когда рѣшительно нѣтъ никакой возможности пользоваться другимъ способомъ содержанія больного. 16) При органическихъ психозахъ постельное содержаніе является слѣдствіемъ параличей, слабости больного. 17) При состояніяхъ врожденнаго недоразвитія постельное содержаніе показано только при возбужденіи.

Въ заключеніе авторъ возстаетъ противъ того воззрѣнія, которое выставляется горячими защитниками постельнаго режима, именно, противъ того, чтобы можно было превратить при помощи постельнаго режима больницы для душевно-больныхъ въ совершенныя подобія больницъ для соматическихъ больныхъ. Въ угоду постельному режиму ни въ какомъ случаѣ нельзя поступать другими системами каковы системы рабочаго режима, моральнаго вліянія хорошей обстановки и хорошаго персонала и проч.

А. Янишевскій.

Г. И. Россолимо. Искусство, больные нервы и воспитаніе (по поводу „Декадентства“).

Авторъ задается вопросомъ выяснитъ въ какомъ отношеніи находятся между собой современное художественное творчество и явленіе прогрессивнаго увеличенія въ нашъ вѣкъ нервныхъ и душевныхъ заболѣваній.

Для рѣшенія столь сложнаго вопроса необходимо разобратъся въ статистическомъ матеріалѣ заболѣваній лицъ, занимающихся искусствами, и подвергнуть строгому анализу особенности современнаго творчества, которыя проливаютъ свѣтъ на состояніе здоровья художника, являясь, такъ сказать, художественными симптомами его болѣзни.

Статистическія данныя указываютъ, что лица, занимающіяся искусствомъ профессионально, составляютъ весьма значительный процентъ всего числа нервно и душевно-больныхъ, особенно, если будетъ принято во вниманіе ничтожное отношеніе профессиональныхъ художниковъ къ общей массѣ городского населенія. „Но подобныя цифры, замѣчаетъ авторъ, должны составлять только малую частицу того огромнаго числа художниковъ, которые только потому считаются здоровыми, что не лѣчатся, а между тѣмъ страдаютъ одной изъ многихъ болѣзненныхъ формъ, съ которой они мирятся нерѣдко то какъ со счастливою особенностью дарованія, то какъ съ неизбежнымъ зломъ, не считая ихъ за болѣзнь“....

Изучая завѣдомо больныхъ лицъ и наблюдая „художественныя натуры“, мы всюду найдемъ огромное число представителей невропатической семьи, отмѣченныхъ тѣмъ или другимъ признакомъ дегенерации: при общихъ для всѣхъ представителей этой семьи условіяхъ наслѣдственнаго предрасположенія къ нервнымъ и психическимъ болѣзнямъ, съ физическими признаками вырожденія, мы будемъ встрѣчать то одни функциональные задатки къ страданіямъ нервной системы, то уже разившіяся болѣзни. Можно даже установить 4 соотношенія между природными художественными дарованіями и состояніемъ нервной системы: 1) талантливость и дегенерация, 2) активно-проявляемая талантливость и дегенерация, 3) талантливость и болѣзнь, 4) активно проявляемая талантливость и болѣзнь.

Далѣе авторъ касается вопроса о физиологіи и патологіи художественнаго творчества.

Анализируя процессъ художественнаго творчества и отмѣчая значеніе эстетической эмоціи, производящей глубочайшія пертурбаціи всей физической и духовной организаціи, эмоціи, какъ „высшаго напряженія пульса жизни“, авторъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: 1) въ художественномъ творествѣ участвуетъ три элемента психической жизни, т. е. эмоція, воображеніе съ образами воспоминанія и псевдо-галлюцинаціями и специально интеллектуальная энергія, управ-

ляющая первыми двумя моментами въ цѣляхъ регулированія или возбужденія ихъ, 2) эмоціональная сфера должна быть не только особенно чувствительна сама по себѣ, но должна подъ вліяніемъ извѣстнаго сочетанія образовъ давать мѣсто „эстетической эмоціи“; 3) образы должны отличаться яркостью, тѣлесностью, должны способствовать мотивированному настроенію и не должны прерывать связи съ остальнымъ духовнымъ міромъ художника и 4) чувствительность эмоціональной сферы и корковыхъ центровъ высшихъ органовъ должна быть настолько велика, чтобы вліяніе воли на безсознательный міръ могла бы граничить съ способностью самовнушенія образовъ и настроеній; другими словами, говоритъ авторъ, если возбудимость мозговой дѣятельности художника не должна переходить за предѣлы нормы, то во всякомъ случаѣ она должна занимать пограничную область между нормальнымъ состояніемъ и патологіей. Проводя большую часть жизни въ мірѣ эмоцій, художникъ тѣмъ самымъ не только хронически истощаетъ свои силы, но и открываетъ широкій просторъ для душевнаго волненія и для властвованія его надъ всѣми остальными проявленіями духовной жизни, а отсюда одинъ шагъ до какихъ угодно болѣзней..... Рядомъ примѣровъ авторъ подкрѣпляетъ только что высказанное положеніе.

Но кромѣ высказаннаго ранѣе есть и еще точка соприкосновенія процесса художественнаго творчества съ патологическимъ состояніемъ нервной системы: это необходимость нарушенія равновѣсія нервной системы, для возникновенія интенсивной эмоціи и болѣе яркихъ и стройныхъ образовъ. Табакъ, ножн. ванны, гашишъ, алкоголь и пр. употребляются артистами и художниками съ цѣлью нарушить нормальныя фізіологич. условія нервной системы; моральныя и физическія причины, истощающія нервную систему способствуютъ иногда проявленію дотолѣ скрытаго таланта; психическія болѣзни занимаютъ далеко не второстепенное мѣсто въ ряду ненормальныхъ состояній нервной системы способствующихъ появленію артистическихъ стремленій. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, толчкомъ для художественнаго творчества и стимуломъ, направляющимъ на путь артистической дѣятельности и удерживающимъ на ней, особенно легко могутъ являться весьма разнообразныя авомаліи равновѣсія нервной системы, начиная съ простыхъ и проходящихъ комбинацій

въ ея дѣятельности и кончая глубокими разстройствами психики.

Далѣе авторъ касается вопроса о художественныхъ работахъ психически ненормальныхъ людей, отмѣчая особенности содержанія и формы произведеній, зависимость художественнаго творчества отъ характера заболѣванія, галлюцинацій, иллюзій, псевдо-галлюцинацій, особенность цвѣтовыхъ тоновъ, неправильность пропорцій, наклонность къ пунктирамъ и символамъ и т. д. Всѣ эти особенности проявленія художественной эмоціи для психіатра являются симптомами, необходимыми для постановки діагноза, но то, что дала невропатологія и психіатрія, установивъ взаимное отношеніе между жизнью больныхъ нервовъ и искусствомъ, не должно быть замалчиваемо предъ обществомъ врачами, такъ какъ дѣло касается одной изъ крупныхъ сторонъ жизни духа. За послѣднее десятилѣтіе можно отмѣтить чрезмѣрное распространеніе искусствъ въ интеллигентномъ обществѣ, это съ одной стороны, а съ другой—само искусство приняло специальную окраску, новое направленіе. Авторъ сравниваетъ художественныя произведенія душевно-больныхъ людей и произведенія художниковъ настоящаго времени и приходитъ къ выводу, что патологическій характеръ современныхъ произведеній выступаетъ достаточно ясно, сближая въ нѣкоторыхъ пунктахъ произведенія представителей больного и здороваго искусства. Стоитъ обратить вниманіе на произведенія Max Klinger'a, Franz Stuck'a, Саша Шнейдера, Henri Martin'a, Burne Jones'a и др., чтобы больное воображеніе въ отношенія замысла или выполненія выступило съ полной ясностью; а пресловутое литературное декаденство и символизмъ, съ обезличеніемъ твореній въ интересахъ хитросплетенныхъ сочетаній мертвыхъ словъ и музыкальныхъ звуковъ, развѣ не напоминаютъ произведеній умалишенныхъ съ ихъ характерными чертами: неологизмомъ, аллитераціей, эхололіей, капролаліей, работажемъ? „Вспомните, говоритъ авторъ, произведенія алкоголика и галлюцинанта Эдгара По съ его ужасомъ, патологическими страхами, красными огнями и кровью, такъ свободно переживающаго переходъ къ самому безумному демонизму. Вспомните драматурговъ и писателей вродѣ Метерлинка, Киплинга, Ибсена, наполняющихъ литературную атмосферу, на ряду съ истинно-художественными произведеніями и такими произведеніями, какъ „Втируша“, „Слѣпцы“, „Когда мы мертвые проснемся“ и т. п.

Эстетическое развитіе намъ необходимо, но съ точки зрѣнія гигиены нервной системы требуются мѣры, способствующія и къ сохраненію здоровья молодого поколѣнія.

По мнѣнію автора статьи мѣры эти должны сводиться къ слѣдующему:

1) Къ устраненію того общаго утомленія нервной системы, которое вначалѣ влечетъ къ неврастенію и истеріи, а впоследствіи и къ болѣе тяжелымъ нервнымъ и психическимъ заблѣваніямъ, 2) къ обузданію чрезмѣрно развитого воображенія и къ правильной дисциплинѣ его на почвѣ неинтенсивныхъ и отнюдь не непріятныхъ эмоцій и образовъ и 3) къ сохраненію индивидуальныхъ нормальныхъ свойствъ личности одновременно съ заботой о выработкѣ цѣльнаго умственнаго и нравственнаго склада.

Заканчиваетъ статью авторъ словами; „Пусть поле дѣятельности принадлежитъ только одному искусству,—искусству трезвому, бодрому, здоровому, искусству, отражающему въ себѣ благородныя чувства и идеи; если же современное искусство склонно измѣнить своему высокому назначенію, то необходимо сдѣлать все возможное для того, чтобы вернуть къ жизни тѣ художественныя стремленія, которыя не разъ служили къ духовному совершенству человѣка“.

Статья прив.-доц. Г. И. Россолимо посвящена незабвенной памяти Сергѣя Сергѣевича Корсакова и была прочитана въ годичномъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ Университетѣ 21 Октября 1900 г.

В. Образцовъ.